

ДУГЛАС
КОУПЛЕНД

ДУГЛАС
КОУПЛЕНД

ПОКОЛЕНИЕ X

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
К73

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Douglas Coupland
GENERATION X

Перевод с английского *В. Ярцева*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International
Literary Agency.

Коупленд, Дуглас.

К73 Поколение X : [роман] / Дуглас Коупленд; пер. с англ. В. Ярцева. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-105087-0

Дебютный роман Дугласа Коупленда, выросший из редакционного задания ванкуверского издательства — но в итоге вместо документального исследования получилось произведение, ставшее одним из самых культовых произведений XX века. Роман о маргиналах, покидающих свои уютные дома и обустроенные офисы, чтобы начать новую жизнь, наполненную неизведанными ощущениями и свежими эмоциями.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-105087-0

© Douglas Coupland, 1991
© Перевод. В. Ярцев, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Прическа у нее — точь-в-точь продавщица парфюмерного отдела магазина Вулворт штата Индиана в пятидесятых. Знаешь, такая миленькая, но глуповатая, которая вскоре выйдет замуж и выберется из этого болота. А платье у нее — как у стюардессы Аэрофлота начала шестидесятых — такого унылого синего цвета, который был в обиходе у русских до того, как им всем захотелось иметь «Сони» или шапку-члена-Политбюро от Гай Лярош. А какой макияж! Семидесятые, ни дать ни взять — Мари Квонт; и такие маленькие ПВХ-сережки-клипсы с цветочками-апликациями, напоминающие наклейки, которыми голливудские геи украшали свои ванны году в 1956-м. Ей удалось передать это уныние — она была там самой клевой. Никто рядом не стоял.

Трейси, 27 лет

Это мои дети. Взрослые они или нет, я не могу выгнать их из дома. Это было бы жестоко. И кроме того — они отлично готовят.

Хелен, 52 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОЛНЦЕ — ТВОЙ ВРАГ

В конце семидесятых, когда мне было пятнадцать, я снял все до последнего гроша со своего счета, чтобы на «Боинге-747» перелететь через весь континент в Брендон, что в провинции Манитоба, далеко в канадские прерии — и увидеть полное затмение солнца.

Похоже, тогда стран как каран альбинос. шись в моют», я про в одиноче

я выглядел но: худой, даш, почти Устроив- тель «Привел ночь стве: мирно

смотрел телевизор, не обращая внимания на помехи в эфире, и пил воду из высоких, граненых стаканов с мелкими насечками-царапинами, обернутых в бумажные салфеточки, казалось, что когда их мыли, то всякий раз терли наждачной бумагой. Но вскоре ночь прошла, наступило утро затмения, я прене-

бег туристическими автобусами и добрался на общественном транспорте до окраины города. Там, порядком отмахав по грязной обочине, я вступил на фермерское поле — зеленые, похожие на кукурузу, неведомые мне зерновые доходили до груди и шуршали, царапая кожу, пока я продирался сквозь них. На этом поле среди высоких сочных стеблей в назначенный час, минуту, секунду наступления темноты под слабое жужжание насекомых я лег на землю и, затаив дыхание, испытал чувство, от которого так никогда и не сумел отделаться, — ощущение таинственности, неизбежности и красоты происходящего — чувство, знакомое многим молодым людям всех времен, когда они, запрокинув голову, смотрели ввысь и видели, что небеса гаснут.

* * *

Полтора десятка лет спустя мною владеют те же противоречивые чувства. Я сижу на крыльце арендованного мною домика в Палм-Спрингс, что в штате Калифорния, ласкаю двух своих собак и в ожидании рассвета вдыхаю ночной пряный дурман львиного зева и ощутимый запах хлорки со двора, где находится бассейн.

Я смотрю на восток, на плато Сан-Андреас, лежащее посреди долины, словно кусок пережаренного мяса. Вскоре над плато взо-

рвется и нагрнет в мой день солнце, как шеренга танцовщиц на лас-вегасскую сцену. Собаки тоже смотрят. Они знают, что произойдет нечто важное. Эти собаки, скажу я вам, весьма смысленные, но иногда меня беспокоят. К примеру, я сдираю с их морд бледно-желтую, вроде прессованного творога, массу (скорее даже похожую на сырную корочку пиццы из микроволновой печи), и у меня возникает ужасное подозрение, что эти собаки — хотя их умильные агатовые дворняжечьи глаза пытаются убедить меня в обратном — опять рылись в мусорных контейнерах за центром косметической хирургии и их морды измазаны жиром яппи. Как им удастся забираться в используемые штатом Калифорния недоступные для койотов красные пластиковые пакеты для отходов плоти — выше моего понимания. Наверное, медики или бессовестны, или ленивы. Или и то и другое.

Таков этот мир.

Уж поверьте.

Слышно, как внутри моего бунгало хлопнула дверца буфета. Мой друг Дег, вероятно, несет другому моему другу, Клэр, что-нибудь пожевать, что-нибудь с крахмалом или сахаром. А скорее всего, насколько я их знаю, ка-

**ЛЕТАЙ
САМОЛЕТАМИ,
ПОКА ЕЩЕ
МОЖЕШЬ**

АВИА-БОСЯКИ:

группа людей, жертвующая карьерой и стабильностью жизни ради беспрестанных путешествий. Представители этого интернационального братства склонны к бесплодному, чрезвычайно дорогим телефонным разговорам с людьми по имени Серж или Ильяна; на вечеринках любят обсуждать, какой из рейсов может быть самым дешевым.

пельку джина с тоником. Такие уж у них привычки.

Дег из Торонто, Канада (двойное гражданство). Клэр из Лос-Анджелеса, Калифорния. Я же, если на то пошло, из Портленда, Орегон, но кто откуда — в наши дни не имеет значения («Поскольку везде одни и те же магазины в одних и тех же торговых центрах», — как говорит мой младший брат Тейлор). Мы все трое принадлежим к «авиа-босьякам», многочисленному интернациональному братству, в которое я вступил, как упоминал ранее, пятнадцати лет, когда полетел в Манитобу.

Как бы там ни было, поскольку и у Дега, и у Клэр вечер не задался, им надо было вторгнуться в мое пространство, дабы получать коктейли и прохладу. Они нуждались в этом. Каждый по своим причинам.

К примеру, только в два часа ночи у Дега закончилась смена в баре «У Ларри», где мы с ним работаем барменами. Когда мы шли домой, он, прервав меня на полуслове, вдруг устремился на другую сторону улицы и поцарапал камнем капот и ветровое стекло какого-то «Катласа Суприм». Это уже не первый совершенный им акт вандализма. Машина

была цвета сливочного масла, с наклейкой на бампере: «Мы транжирим наследство наших детей», эта надпись, должно быть, и спровоцировала Дега, раздраженного после восьмичасового труда в своем постылом мак-рабстве («низкий заработок, малый престиж, никаких перспектив»).

Хотел бы я понять, откуда у Дега эта склонность к разрушению; вообще-то он парень очень деликатный — однажды не мылся неделю, когда в его ванной сплел паутину паук.

— Не знаю, Энди, — сказал он, хлопнув моей дверью (собаки следом). Дег, в белой рубашке, со сбившимся на бок галстуком, мокрыми от пота подмышками, двухдневной щетиной, в серых слаксах (не брюках — слаксах), был похож на падшего мормона. Мормона, сбежавшего с обложки рекламной брошюры, где он был изображен со своей счастливой половиной. Как лось во время гона, он немедленно ткнулся в овощное отделение моего холодильника и вытащил оттуда увядшие листья салата, скрывавшие запотевшую бутылку дешевой водки, — то ли мне больше хочется наказать какую-нибудь старую клячу за то, что разбазарила мой мир, то ли я выхожу из себя из-за того, что мир слишком разросся — мы

МАК-РАБСТВО:

низкооплачиваемая, малопrestижная, не имеющая перспектив работа в сфере обслуживания. Однако считается неплохой среди тех, кто никогда ничем не занимался.

уже не можем его описать, потому и остались с этими клочками впечатлений, озарениями и обрывками мыслей на бамперах. — Он отхлебывает из бутылки. — В любом случае я чувствую себя оскорбленным.

Вероятно, было часа три утра. Дег по-прежнему был готов крушить все и вся; глядя на огонь в камине, мы оба сидели на кушетках в моей гостиной, когда стремительно (без стука) ворвалась Клэр, ее норково-темная-подбобрик-стрижка топорщилась. Несмотря на невысокий рост, Клэр выглядела вполне импозантно — элегантность, приобретенная на работе за прилавком «Шанель в местном магазине «Ай. Магнин».

— Свидание — хуже некуда, — объявила она. Мы с Дегом обменялись многозначительными взглядами. Схватив на кухне стакан с каким-то таинственным напитком, она плюхнулась на маленькую софу, не боясь грозящего ее черному шерстяному платью бедствия — собачьей шерсти.

— Послушай, Клэр. Если тебе так тяжело говорить о свидании, может, возьмешь куклы и представишь его нам в лицах.

— Смешно, Дег. Очень смешно. Господи. Еще один спекулянт акциями и еще одна новинка — ужин из проросших семян люцерны и воды «Эвиан». И, естественно, он озабочен экологической обстановкой. Весь вечер гово-

рил о переезде в Монтану и о том, какие химикалии положит в бензобак, чтобы его не разъедало. Я так больше не могу. Мне скоро тридцать. А я себя чувствую персонажем цветного комикса.

Она оглядела мою функционально (и уж никак не претенциозно) обставленную комнату, живость которой придавали третьесортные дешевые коврики, сделанные индейцами навахо. Мышцы ее лица расслабились. «В какой-то момент я поняла, что мы дошли до полного идиотизма.

На 111-м хайвее в Кафедрал-Сити есть магазинчик, где продаются чучела цыплят. Мы проезжали мимо, и я была близка к обмороку — так мне хотелось цыпленка, они были такими славными, но Дэн (так его зовут) говорит: «Да ладно, Клэр, зачем тебе нужен этот цыпленок», на что я сказала: «Дело не в этом, Дэн. Дело в том, что мне этого хочется». После чего он прочел мне фантастически скучную лекцию на тему: я хочу это чучело лишь потому, что оно так заманчиво выглядит на витрине, но как только я его получу, то сразу же начну думать, как от него избавиться. В общем-то, верно. Тогда я попыталась объяснить ему, что чучела цыплят — это и есть жизнь и наши новые взаимоотношения, но объяснения как-то завяли — аналогия получилась слишком запутанной — и наступило то ужас-